

**«Есть места нестерпимо напыщенные, но есть
и прекрасные»:
Андре Жид в рецепции В.Н. Муромцевой-Буниной —
от интереса к дистанцированию**

© 2026, А.В. Шве́ц

Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук,
Москва, Россия, МГУ имени М.В. Ломоносова,
Москва

Исследование выполнено в ИМЛИ РАН за счет гранта Российского научного фонда, проект № 24-18-00425 («В.Н. Муромцева-Бунина — летописец Серебряного века и русской эмиграции»).

Аннотация: В статье рассматривается история контактов супругов Буниных с французским писателем Андре Жидом на протяжении 1941–1942 гг. и рецепция творчества Жида в кругу Буниных, в частности, В.Н. Муромцевой-Буниной. Факт рецепции творчества Жида Буниным в 1940-е гг. уже введен в научный оборот, однако рецептивный отклик супруги Ивана Алексеевича остается малоизученным. В данной статье приводятся максимально полно свидетельства рецепции творчества Андре Жида в 1940-е гг. Верой Буниной на материале источников из Русского архива в Лидсе. Андре Жид и супруги Бунины встречались очно в Грассе два раза (на первой встрече Вера Бунина отсутствовала). При том, что оба писателя (прошлый и будущий нобелиаты) были взаимно заинтригованы эстетико-литературными программами друг друга, итогом встреч стало недопонимание (невозможность наладить связь между разными языками и культурами), охлаждение отношений и негативная оценка творчества Жида Буниным. Подобную динамику отражают и заочные отношения Веры Буниной и Андре Жида: Бунина изучает дневники французского писателя, читает его прозу на протяжении осени 1941 – зимы 1942 гг. В самом начале заочного общения русской читательницы и французского прозаика второй вызывает у первой искренний интерес. По мере чтения Жида Бунина фиксирует различия в мировоззренческих позициях, которые касаются разного отношения к проекту коммунизма и к христианской религии. Эти различия становятся основой для дистанцирования от фигуры собесед-

ника. Помимо различий мировоззренческих, Бунина фиксирует реакцию на локальные особенности поэтики прозы Жид. Ей импонируют отдельные композиционные решения, но не близок внутритекстовый субъект (лирический герой либо повествователь). Вердиктом читательницы становится оценка Жид как талантливого писателя, но нарцисса, увлекшегося интроспекцией.

Ключевые слова: В.Н. Бунина, И.А. Бунин, А. Жид, русско-европейские литературные контакты XX в., рецепция французской литературы, русская эмиграция.

Информация об авторе: Анна Валерьевна Швец – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25А, стр. 1, 121069 г. Москва, Россия; старший преподаватель, Ленинские горы, 1/51, 119991 г. Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-1492-2511>

E-mail: ananke2009@mail.ru

Для цитирования: *Швец А.В.* «Есть места нестерпимо напыщенные, но есть и прекрасные»: Андре Жид в рецепции В.Н. Муромцевой-Буниной — от интереса к дистанцированию // Литературный факт. 2026. № 1 (39). С. 252–269. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2026-39-252-269>

«Знакомство сделано»: общение Буниных и Андре Жид в 1941–1942 гг. — сближение и увеличение дистанции

Знакомство и близкий контакт четы Буниных с Андре Жидом (о его связях в кругах русской эмиграции см. [6]) происходят во время Второй мировой войны, в 1941–1942 гг. Андре Жид остро отреагировал на несостоявшийся арест русского писателя летом 1941 г. После объявления войны между СССР и фашистской Германией, с 30 июня 1941 г., в Грассе задерживали и препровождали в казармы всех лиц русской национальности до выяснения обстоятельств. Бунин избежал этой участи (роль сыграли факт простуды и статус нобелевского лауреата). Уже 6 июля 1941 г. Бунин получает от Жид письмо: последний «беспокоится за Бунина в связи с арестами русских» [6, с. 398] (полный текст письма [7, с. 212], перевод с французского далее наш, если не указано иное. — *А.Ш.*). «Мое восхищение автором “Деревни”, моя глубокая признательность и симпатия столь сильны, что я не смогу спокойно переносить любые невзгоды, которые могут вас коснуться» [7, с. 212], — заверяет Бунина французский коллега по цеху; Бунин не мог не ответить, поскольку Жид «[о]чень <его> тронул» [7, с. 102].

Через несколько месяцев Жид посетил Бунина на вилле «Жаннет» и ближе познакомился с супругами очно. Визит Жид состоялся в самом конце лета, 28 августа 1941 г.: Жид только что переехал в Грасс и «в первый день своего приезда посетил бунинскую виллу,

чтобы — в случае нужды — предложить свои услуги» [4, с. 351]. Бунин, вероятно, готовился к встрече, заранее перечитав повесть Жиды «Тесные врата» (1909) и удостоив произведение характерно скептическим отзывом (в записи от 12 августа 1941 г.): «Кончил “La porte étroite” Gide’a. Начало понравилось, дальше пошло что-то удивительно длинное, скучнейшее, совершенно невразумительное» [7, с. 326]. На самой встрече Вера Николаевна, скорее всего, отсутствовала (в ее дневнике двумя днями позднее, 30 августа 1941 г., отмечено: «Когда <Жид> был у нас (в мое отсутствие), он сказал, что не может играть на рояле»¹).

Жид провел день в компании И. Бунина и Л. Зурова. На Бунина Жид произвел «очень» приятное впечатл^ение». Тонок, умен» [7, с. 329]. Впрочем, когда разговор коснулся литературных предпочтений, Бунин был скорее удивлен и частично фраппирован. Жид пренебрежительно отозвался о кумире Бунина — Толстом [12, с. 123] — и, кажется, слишком высоко о современных советских писателях (итог поездки в СССР в 1930-е гг.) [11]: «...и вдруг: Tolstoy — asiatique. В восторге от Пастернака (как от человека — “это он мне открыл глаза на настоящ^ее положение в России”; восхищ^ается» Сологубом. <...> Gide видел Горького, но в гробу» [7, с. 329]. По свидетельству Зурова (в пересказе З. Шаховской), не сумевший скрыть удивления Бунин разыграл комическую сценку: «Жид защищал Достоевского — Бунин <...> с ним спорил. Наконец, Жид сказал: “А Ваш Толстой просто скучно пишет”. Тут Иван Алексеевич вскочил, схватил хлебный нож, лежащий на столе, и “как половец” ринулся на Жиды, изображая убийство, — сцена была незабываемой» [12, с. 276].

Два дня спустя Вера Николаевна по пути домой с рынка впервые встречает нового собеседника мужа — в повозке с откидным верхом (*carriole cabriolée*), где она случайно оказалась рядом с семидесяти-двухлетним французом (запись от 30 августа / 12 сентября 1941 г.):

Возвращалась в кабрийском каре. В нем ехал André Gide. Я его хорошо рассмотрела. Лицо приятное, интересное, ставшее менее похожим на пасторское. Черты лица более определены. Резкие морщины посреди щек и от носа к углам губ. Лыс, а потому хорошо видишь череп. Читал газету Gregoire, потом Signal <...> Носит рубашку защитного цвета, светло-коричневый костюм (РАЛ. MS 1067.410).

¹ Русский архив Лидсе (Великобритания; РАЛ). MS 1067/371. Далее ссылки даются в тексте статьи.

Вероятно, в какой-то момент Жид оторвался от сопоставления сводок с фронта (журнала, предназначенного для военнослужащих вермахта, «Signal» [14], и, по всей видимости, французского еженедельника «Gringoire», поддерживавшего вишистский режим) [20]. Вера Николаевна и новый знакомый обсуждали детали визита к Бунину — воспоминания о поездке в Россию и о Пастернаке: «Восторгался пейзажем России. <...> Ему очень понравился Пастернак: “Charmant”. От него он <Жид> многое узнал» (РАЛ. MS 1067.410). Как отмечал приятель Жида и друг Буниных, А.В. Бахрах, «Пастернак открыл <Жиду> глаза на происходящее вокруг, предостерегал его от увлечения теми “потемкинскими деревнями” или “образцовыми колхозами”, которые ему показывали» [4, с. 364], обратил внимание путешественника на разницу между «фасадом», который видели иностранцы, и реальным положением дел в СССР.

Очное знакомство супругов Буниных с Жидом продолжилось в сентябре 1941 г. В конце месяца Жид нанес чете второй визит (запись от 21 сентября 1941 г. в дневнике В.Н. Буниной, 16 сентября 1941 г. в дневнике И.А. Бунина). Помог случай: день рождения Бахраха, который справляли дружеским кругом на вилле Буниных. Бахрах пригласил француза на завтрак на виллу «Жаннет» вместе с Л.И. Левиным, дядей Бахраха [5], и Г.В. Адамовичем. Праздничный стол украшали с огромным трудом добытые деликатесы: настойка на апельсиновых корках и «две коробочки настоящих сардинок на... оливковом масле» [4, с. 352]. После завтрака М.А. Степун, сестра Ф.А. Степуна и де-факто член семьи Буниных [5], оперная певица, музицировала за роялем — к восторгу собравшихся, включая Жида: «пела Глюка, Бородина, Шуберта “Двойник”, хорошо. André Gide любит и понимает музыку» (РАЛ. MS 1067.410). Бахрах же начал дружелюбно подтрунивать над французским гостем, вспоминая предыдущую встречу: «Аля <Бахрах> обыграл A<ndré> G<ide> в шахматы. Сказал, что он друг Пастернака, которого A<ndré> G<ide> очень любит и ценит. Ему <Бахраху> очень нравится, как тот <Жид> говорит — медленно, но хорошо» (РАЛ. MS 1067.410).

В тот сентябрьский день Бунин и Жид не преминули снова вернуться к «[с]пор[у] о Достоевском и Толстом», вновь обнаружив расхождения во вкусах: по замечанию Веры Николаевны, «[к]аждый говорил свое» (РАЛ. MS 1067.410). После двух встреч стали очевидны разногласия между писателями (не отменявшие взаимного интереса). Жиду (как он отмечал уже в собственном дневнике 28 августа 1941 г., еще по итогам первой встречи) были непонятны бунинское «преклонение перед Толстым» и «пренебрежение к Достоевскому,

к Щедрина, к Сологубу» [2, с. 384]: «у нас с ним нет общих святых, общих богов» [2, с. 384]. В конечном итоге, августовская «встреча несколько разочаровала» Жида, поскольку «подлинного контакта не получилось»: «Один равнодушен к тому, что восхищает другого» [2, с. 384]. Видимо, то же произошло и в сентябре.

Бунин, в свою очередь, скептически относился к оценкам собственного творчества Жидом. По поводу любимой последним «Деревни» Бунин в августе сообщал (в формулировке Бахраха), что это «еще незрелое произведение, которое для его творчества не характерно, плохо его представляет» [4, с. 353], так что Жид «заблужда[ется], превознося эту повесть» [4, с. 353]. Сам Жид высказался сдержаннее: «Я был несколько сконфужен тем, что знал только его “Господина из Сан-Франциско” и “Деревню” — юношеское произведение, которое, по <...> словам <Бунина> дает очень слабое и очень неверное о нем представление и которое я напрасно так высоко ценю» [7, с. 384]. «[Я] не смог разобраться, на чем основана симпатия, которую он ко мне проявляет» [9, с. 384], — растерянno подвел итог Жид.

Немаловажную роль играл языковой барьер. Разговор велся на не родном для Бунина языке и не состоялся бы без помощи переводчика. «Бунин очень плохо знал франц<узский> язык, говорил с трудом, не все понимал. Поэтому общения с франц<узскими> писателями было у него мало <...> Во время войны он не раз встречался с Жидом, в Грассе и в Ницце, — но всегда находились переводчики», — свидетельствует очевидец встречи Г. Адамович [8, с. 360–361]. Потому к словам Бунина скептически мог относиться и Жид, считая аргументацию коллеги слишком поверхностной: «[Ф]ранцузский язык <Бунина> был недостаточен, чтобы в антиномии “Толстой-Достоевский”, так обоих волновавшей, стараться переубедить Жида и склонить его на свою сторону. А Жид, как мне казалось, отдыхал именно благодаря отсутствию “умных разговоров”» [4, с. 353].

Несмотря на межкультурный барьер, после встречи в сентябре 1941 г. Жид предпринимает попытку сблизиться с Буниным, хоть и на дистанции. В записи 8 октября 1941 г. Вера Николаевна отмечает, что Зуров, Бахрах и Жид, встретившись в Ницце, пытаются договориться об издании рассказов Бунина в переводе на французский в Швейцарии: «они с Жидом устраивали книгу Яна в Швейцарии — в Ницце как раз был швейцарский издатель. Переводить будет Бахрах, редактировать Жид — вот и общая работа!» (РАЛ. MS 1067.410) («Вот было бы счастье», — отмечает 8 октября 1941 г. в дневнике И.А. Бунин [7, с. 334].) Впрочем, предложению нового

знакомого Вера Николаевна не доверяет: «Не знаю, будет ли хорош перевод. У Бахраха нет художественного дара. Сумеет ли он верно передать Жиду текст, и захочет ли Жид много тратить времени — неизвестно. <...> Если издатель книгу купит, для нас это хорошо» (РАЛ. MS 1067.410).

Проект не увенчался успехом, что привело к охлаждению в отношениях между Жидом и Буниным осенью 1941 г. Жид переписывал готовые переводы самого Бахраха на французский так, «чтобы Бунин звучал, как безупречная французская проза, вернее, так, как если бы “Темные аллеи” писались <...> Жидом» [4, с. 380]. Очарование сменилось разочарованием, когда Жид не смог проникнуться одним из рассказов («Три рубля»): «Где же в них профетизм “Деревни”? <...> Согласитесь, что это довольно плоско, дождь идет, молнии блещут, дождь, конечно, идет артистически, а за окном разыгрывается мелодрама, а дальше что? К чему все это? Давайте сделаем паузу в нашей совместной работе» [4, с. 380]. Увеличение дистанции между писателями взаимно-обоюдно — столь же прохладную оценку произведениям Жида дает и сам Бунин в записи 19 октября 1941 г.:

Нынче кончил “L'école des femmes” Gide'a. Скучно, пресно, незначительно. Зачем это написано? Умный человек, прекрасно пишет, знает жизнь — и только [7, с. 336].

Осенью 1941 г. супруги общаются с Жидом на дистанции. Француза обсуждают в семейном кругу в ноябре 1941 г. — делятся сплетнями, которые сообщает А.Л. Толстая, дочь Л.Н. Толстого (запись от 2 ноября в дневнике В.Н. Буниной: «Узнали, откуда у André Gid'a 18-<лет>няя дочь. Ее мать — большая приятельница А.Gid'a. Она захотела иметь от него ребенка. Он не отказал ей в этом. Родилась девочка, которую он и удочерил <...> С бабушкой <дочери> Толстая очень дружна», РАЛ. MS 1067.413). Меньше чем через год после очного визита Жида к Буниным Вера Николаевна и французский писатель встречаются случайно в ресторане: «Завтракала с В<ерой> Р<афаиловой> Мартыновой» в том же ресторане, где Андре Жид». Знакомые приветствуют друг друга скорее прохладно: «Долго он не замечал меня, потом мы встретились глазами и поклонились. Перед уходом он подошел ко мне. Обменялись любезностями» (21 марта 1942, РАЛ. MS 1067.413).

Меж тем, Вера Николаевна не может скрыть остаточной симпатии по отношению к Жиду: он «был с молодым человеком, и так они разговаривали, что казалось, что весь мир сосредоточен в этом

разговоре. Такое внимание к собеседнику меня восхищает. <...> У него необыкновенная мягкость в голосе, в улыбке, в выражении лица» (РАЛ. MS 1067.413). Сосредоточенность Андре Жида на другом человеке, его внимание к диалогу — вот качества, которые Вера Николаевна параллельно будет переосмысливать, разговаривая с писателем заочно: читая его «Дневник» и художественные произведения.

Динамика заочных отношений Андре Жида и Веры Николаевны Буниной также свидетельствует о частичном увеличении дистанции, хотя Вера Николаевна в большей степени заинтригована фигурой французского писателя. Между Жидом и супругой Бунина происходят попытки сближения, которые завершаются осознанием неизбежной разности и чуждости.

Жид пытался сблизиться с супругой Бунина тогда же, в октябре 1941 г. В записи от 8 октября 1941 г. Вера Николаевна отмечает, что писатель обещал подарить ей экземпляр «Дневника» («Journal», t. 1, 1939). Книга не дошла до адресата — во время переговоров в Ницце Жид сначала отдал книгу Бахраху, а Бахрах оставил дневник себе (видимо, утаивая подарок от глаз ревнивого Бунина): «Обещанный мне экземпляр его Journal он <Жид> подарил Але <Бахраху>, и Аля это скрыл от меня, но Ян проговорился. Скрыть от Яна он <Бахрах> не мог — хотелось похвастаться. <...> Мне интересно, что он <Жид> написал о Яне, а в собственность он мне не нужен». На протяжении октября Вера Николаевна выражает недовольство: «Почему Аля скрывает и не дает мне Journal, когда знает, что я знаю, что он у него, и знает, что мне хочется прочесть — тоже не понимаю — Warum?» (9 октября 1941, РАЛ. MS 1067.410). В дело вмешивается сам автор «Дневника», прохладно прокомментировав инцидент в небольшой записке на французском языке (запись от 13 октября 1941 г.):

Из письма André Gid'a:

Книжный магазин «Изящные книги» надеется вскоре получить несколько экземпляров моего «Дневника». Мне сказали, что мадам Бунина желала бы его приобрести (и это мне очень льстит). Как только будет возможность, я с удовольствием принесу ей этот подарочный экземпляр в честь знакомства².

Но знакомство сделано, а Journal все нет и нет, а Аля свой экземпляр не дает (РАЛ. MS 1067.410).

² Выписка из письма по-франц.

Экземпляр «Дневника» Вере Николаевне в середине ноября 1941 г. привозят «три дамы из Кабриса»: Т.М. Толстая, А.Л. Толстая и супруги Вьено (Vienot) [5]. «Они все очень милые и приятные. Во многом мы сходимся. За все время нашей жизни в Грассе — первые знакомые нашего литературного уровня», — отмечает в дневнике Вера Николаевна (18 ноября 1941, РАЛ. MS 1067.413). Супруги Вьено — Пьер и Андреа (урожд. Андреа Матильда Майриш); Пьер Вьено — «будущ[ий] деголлевск[ий] министр иностранных дел французского правительства в изгнании, рано умерш[ий] <...> в те дни как раз готовился к “бегству” в Англию» [3, с. 137]. Жида и Вьено роднил общий секрет: во время поездки Жида в Кабрис (к друзьям) Жид встречался с участником французского Сопротивления русским эмигрантом Борисом Вильде и даже скрывал Вильде у себя в съемном жилье несколько дней, о чем был извещен зять хозяйки дома, Пьер [3, с. 137–138]. В 1942 г. Пьер Вьено был заключен под стражу, освобожден, затем снова задержан и оставлен до суда в санатории Сансельмоз в Пасси, но бежал в Англию и занимал пост французского посла в деголлевском правительстве вплоть до смерти от сердечного приступа 20 июля 1944 г. [22, с. 130–131].

Дневник Жида Вера Николаевна читает на протяжении осени 1941 г., делая выписки с особенно поразившими цитатами. «Понемногу постигаю его, — комментирует она пространную цитату про разницу между духом и “эгоистичным” разумом. — Любопытный человек» (18 ноября 1941, РАЛ. MS 1067.413). Чтение дневника продолжается в декабре 1941 г. и январе–феврале 1942 г. В этом заочном диалоге француз предстает перед русской читательницей как писатель, раздираемый сомнениями, полный метаний. «Интересно. Для меня ново его богоискательство. Теперь понятна его любовь к Достоевскому. Его “inquiétude”³. Успокоился», — замечает Вера Николаевна (22 декабря 1941, РАЛ. MS 1067.413), размышляя об увлечении Жида русской культурой и об источниках этого увлечения. Впрочем, после прочтения записей «32 года» из дневника Жида для Буниной проступает другая крайность в интересе писателя к русской культуре, противоположная богоискательству. С этой крайностью Вера Николаевна не может соотноситься — с увлечением Жида советской идеологией: «Непонятна его тяга к коммунизму. Успокоиться он не может. Но как он не понимает, что коммунизм — тупик. Его разочарование в большевизме, разочарование в коммунизме, хотя

³ Беспокойство (франц.).

он хочет коммунизм примирить с индивидуализмом» (21 января 1942, РАЛ. MS 1067.413).

«До конца я все же еще его не поняла, — резюмирует В.Н. Бунина в той же записи 6 февраля 1942 г. — Не всего его читала <...> Я люблю писателя узнавать до конца» (6 февраля 1942, РАЛ. MS 1067.413). Эту задачу — узнавание писателя до конца и определение собственного к нему отношения — она упорно решала на протяжении 1941–1942 гг.

«Провела ночи в обществе Жида»: творчество Андре Жида в рецепции Веры Буниной – заинтересованность и дистанция

До получения «Дневника», в начале октября 1941 г., Вера Николаевна — вероятно, будучи под впечатлением от очного знакомства, — запойно читает произведения Жида (в частности, «Яства земные» 1897 г.): «Эту неделю я провела всю, даже и ночи, в обществе Жида. Перечитала много его книг. Сейчас читаю “Les nourritures terrestres” — очень неровное произведение» (8 октября 1941, РАЛ. MS 1067.410). «Яства земные» вызывают у русской читательницы Жида смешанную реакцию: «Есть места нестерпимо напыщенные, но есть и прекрасные».

«Неровное произведение» — сборник лирико-импрессионистических зарисовок, представленных в диалоге повествователя, учителя Меньяльк, и его адресата-ученика, юного Натанаэля. Имя Меньяльк (Ménalque), «проводника» Натанаэля, отсылает к пастуху-поэту Меньяльку (Menalcas) из «Буколик» Вергилия [19]. «Ученик» Меньяльк, Натанаэль, вызывает в памяти образ одного из первых последователей Иисуса Христа, Нафанаила из Каны Галилейской. В «Яствах земных» Меньяльк — не столько представитель мира идиллии, сколько демон-искуситель, наставляющий собеседника на путь чувственного наслаждения при помощи поэтических афоризмов. Потому его визави, ученик и последователь Натанаэль, нередко сравнивается с другими известными персонажами-гедонистами литературы рубежа веков: дез Эссентом Гюисманса [18], Заратустрой Ницше [21], Дорианом Греем Уайлда [16].

Участники диалога условно тяготеют к двум полюсам: Меньяльк — к инстанции воображаемого идеального автора, Натанаэль — к инстанции подразумеваемого идеального читателя; благодаря взаимодействию между этими фигурами, в произведении развивается лирический сюжет — драма чувственного познания мира вокруг и наслаждения им [17]. Эта повествовательная условность Веру Николаевну раздражает: «И при чем тут все Меньяльки, <нрзб.>

и Nathanaël'и». Несущую драматургическую конструкцию диалога между учителем-искусителем и учеником-гедонистом можно убрать, намекает В.Н. Бунина, далее упоминая, что наиболее впечатлили ее как читателя как раз-таки бессюжетные лирические отступления, поэтические миниатюры, насыщенные яркими символистскими образами природы:

Есть места нестерпимо напыщенные, но есть и прекрасные: <...> [Колышущиеся волны! Это вы так раскачали мои мысли. Ты ничего не построишь на гребне волны. Она не выдерживает никакой тяжести.] <...> затем опять прелестно: <...> [Нет, все эти звезды на небе, весь этот жемчуг в море, белые перья на берегу заливов, — я еще не все их пересчитал.] (РАЛ. MS 1067.410)⁴

Русская читательница и испытывает симпатию к французу, и в то же время выражает скептицизм по отношению к творчеству последнего, так что дистанция между двумя заочными собеседниками ощутима. 13 октября 1941 г., когда «Яства земные» дочитаны, Вера Николаевна подводит итог: «Местами хорошо, в целом не нравится, не чарует. Все, что он любит, я тоже с юности люблю, но без напыщенности и без декламации». Качества «напыщенности и декламации» проявляются в повествовательной структуре произведения и, в частности, в фигуре искусителя-демона Меньяль, несколько карикатурно-трафаретной, словно созданной для сцены, где подобные монологи смотрятся уместнее. В тексте не для постановки в глаза бросается опосредование лирической импресии, ее обрамление искусственной конструкцией. В этой связи Бунина замечает: «[К]онечно, француз, выросший на “comédie française” — это не мы, да и другого поколения. Мое все стремилось к простоте, даже в романтизме» (РАЛ. MS 1067.410).

Впрочем, при несогласии с отдельными аспектами творческого метода Жида, Вера Николаевна находит общие точки между мировоззрением французского писателя и мировоззрением собственным — в той же записи от 13 октября 1941 г.: «А. Жид прав, призывая интересоваться самим собой больше, чем другим, потом всем остальным, чем собой <так!>» (РАЛ. MS 1067.410). Жид привлекает Бунину не только детальной лирической интроспекцией, но и в целом мастерством литературного психологизма. В записи

⁴ Цитаты из франц. оригинала, приводимые В.Н. Буниной (заключены в прямые скобки), даны в пер. Ю. Покровской по изд.: Жид А. Собр. соч.: в 7 т. М.: Терра-Книжный клуб, 2002. Т. 1. С. 208–209, 249.

от 8 октября 1941 г. отмечено, что Жиду (как Флоберу и Мориаку, ср. [13]) присуще «внимание к душе человека», в то время как

...большинство как-то чувственно воспринимают людей или совсем внешне, а внимания к душе, к внутренней жизни ни у кого почти нет. А ведь сила над другим человеком только именно в том внимании, когда оно действительно по-настоящему пытливо и напряжено. André Gide это понимает. В этом его сила над другим человеком (РАЛ. MS 1067.410).

Однако другие произведения А. Жида — прочитанные залпом за одну октябрьскую неделю — вызывают у Буниной скорее прохладную реакцию. В записи 9 октября 1941 г. отмечено, что романы французского писателя ей «сказали» очень мало. Они, в конечном итоге, очень элементарны». Причина «элементарности» этих романов — в бытовом характере повествовательных коллизий, их жесткой причинно-следственной сцепленности, фабульно-событийной природе сюжета: «Жена разлюбила мужа, потому что он оказался не тем, каким она его вообразила. Муж не может понять этого. Дочь не любит отца и обожает мать. Хочет свободы <...> все это для детей младшего возраста, а мне это ни к чему» (РАЛ. MS 1067.410).

Речь идет о более поздней романной трилогии Жида: «Урок женам» (*L'école des Femmes*, 1929), «Робер» (*Robert*, 1930), «Женевьева, или незавершенная исповедь» (*Geneviève, ou La Confiance inachevée*, 1936). Скорее всего, причина отторжения заключается в том, что трилогия Жида конца 1920-начала 1930-х гг. в качестве модели опираются на иную поэтику, непривычную для представителей русской эмиграции. По замечанию П. ДеДоминико, эти романы Жида (по времени близкие к его поездке в СССР 1936 г. [11]) свидетельствуют о переходе к сюжетной поэтике дидактического романа (*roman à thèse*). Доктринарная поэтика такого романа близка к роману соцреалистическому — с присущими форме повествовательными ограничениями (становление персонажа как типичного представителя класса) [15]. Подобные нарративные условности спрямляют событийную канву сюжета: важно показать не только внутренний мир персонажа, но и его типический путь, что обычно делает сюжет, полностью совпадающий с фабулой.

Несмотря на в общем сдержанно-скептическую реакцию на трилогию Жида, В.Н. Бунина фиксирует отдельные позитивные моменты рецептивного опыта: «В *Женевьева* есть хорошие места». Во-первых, читательнице импонирует правдоподобие персонажей:

«Она <Женевьева> сама свежа и типична, то есть, веришь, что такая существует». Во-вторых, отдельные персонажи примечательны не только как представители социальных типов, но и благодаря уникальным выразительным подробностями: «Хорошо даны ее подруги, особенно Келлер, дочь знаменитого художника, талантливая и красивая девочка, с полагающимся спокойствием читающая стихи Бодлера. Их дружба» (РАЛ. MS 1067.410).

Сара Келлер, — подруга рассказчицы, дочь известного художника-еврея, в повести занимает позицию изгоя (из-за своего происхождения), тем самым противостоя добропорядочной французской буржуазии начала XX в. (действие романа разворачивается в 1913 г.). Когда Сара посещает дом Женевьевы, будучи приглашена на званый ужин, она восхищается богатой обстановкой (в то же время иронизируя над очевидным отсутствием вкуса). На ужине отец Женевьевы, Робер, — типичный буржуа, скупающий безвкусные картины для демонстрации образованности — просит Сару развлечь публику публичной декламацией стихов, и Сара выбирает «Смерть любовников», «Приглашение к путешествию» и «Фонтан» Бодлера. Робер довольно замечает, что Бодлер «[о]дна из вершин французской поэзии», не забыв предъявить томик «Цветов зла», «которым ему хотелось похвастаться из-за его роскошного переплета». Женевьева тут же проницательно замечает, что суждения отца «как всегда, чужие, благополучно присвоенные им»⁵. Робер высмеян как типичный ограниченный буржуа — и мы видим эту сцену одновременно глазами Сары (знающей, что буржуа не замечает провокативность бодлеровских образов), и Женевьевы (знающей, что отец воспроизводит чужие суждения). Этот повествовательный прием — вместе с интегрированными в него деталями — привлекает внимание В.Н. Буниной как удачный. При негативной оценке сюжетной структуры в целом, Вера Николаевна не может не отметить, что Жиду удастся нарративная драматургия отдельного эпизода.

Остаточный интерес и остаточная эмпатия не только к персонажам, но и к внутритекстовому субъекту произведений Жида остается у Веры Николаевны на протяжении зимы 1942 г. на фоне холодно-скептического отношения к творчеству француза. Русская читательница продолжает делать выписки на французском из произведений писателя — в записи от 9 января 1942 г. встречается выразительно-лапидарные «заметки для себя»:

⁵ Жид А. Собр. соч.: в 7 т. М.: Терра-Книжный клуб, 2002. Т. 3. С. 317, 318 (пер. Е. Семиной).

«Нужно быть самим собой, чтобы доказать свое превосходство над собой». Леон Пьер-Квинт, «Андре Жид». В «Имморалисте» — инстинкты власти человека.

В «Плодах земли» — его стремления к удовольствию.

«Удовольствие — это обязанность, потому что быть счастливым естественно для человека».

«Не любовь, а пыл». Жид.

«Желать с пылом — вот высший восторг...». Жид.

«В экстазе удовольствие принимает форму поклонения: Через все я безумно обожал». Жид (РАЛ. MS 1067.413)⁶.

Первая цитата взята из монографии «Андре Жид: жизнь и творчество» (André Gide sa vie, son oeuvre. Stock, 1932) авторства Лео-на Пьера-Квинта (наст. имя Léopold Léon Steindecker, 1895–1958), писателя, литературного критика, друга Пруста и Жида и главы парижского издательства «Éditions du Sagittaire» (1919–1979). Это замечание критика сопровождается краткой фиксацией читательской рефлексии уже самой Веры Николаевны. Пьер-Квинт подает Буниную следующую идею: де-факто ницшеанский, стремящийся превзойти себя субъект явлен и в повести «Имморалист», и в сборнике стихов в прозе «Яства земные». Художественный вектор в повести — изображение ницшеанского сверхчеловека через стремящегося к власти персонажа (протагониста Мишеля); художественный вектор в сборнике стихов — изображение того же субъекта через лирические маски гедониста Меньялька и его ученика Натанаэля. Такому субъекту присущ примат удовольствия над моральными обязательствами. Удовольствие как характерологическая доминанта внутритекстового субъекта имеет несколько воплощений: желание, пыл и страсть (*ferveur*), экстаз, поклонение — что отсылает к удовольствию как в узком смысле (эротическому), так и в широком (гедонистическое удовольствие от жизни вообще, по ту сторону морали).

По выпискам можно предположить, что субъект прозаических и поэтических текстов Жида — будь то персонаж, персонаж-рассказчик или лирический герой — гедонист-ницшеанец, в центр ставящий чувственное наслаждение в ущерб прочим составляющим. Однако этот тезис Вера Николаевна не заявляет в качестве окончательно и переосмысляет — в беседе с Зуровым и друзьями семьи (укрывавшийся на вилле «Жаннетт» от немецких арестов

⁶ Подлинник по-франц.

пианист Александр Либерман) [1, с. 230–231]. Несмотря на тягу француза к чувственному «иммориализму», Вера Николаевна в диалоге с Зуровым и Либерманом приходит к выводу, что Жид «головной писатель, и тоже едва ли что от его произведений останется, по мнению Лени <Зурова> и Либермана» (14 января 1942, РАЛ. MS 1067.413). Сама Вера Николаевна, впрочем, считает несколько иначе — в меньшей степени ее беспокоит, что от произведений француза останется, в большей — вопрос внутреннего ценностного выбора. Жид писатель талантливый и глубоко думающий, полагает она, другое дело, что он выбрал ту систему ценностей, которые Бунина не принимает: «Жид любит природу, животных, цветы, общение с людьми духовное, общее чтение, хорошо и глубоко знает религиозные вопросы. Много думал о них. К сожалению, отвернулся от важного» (РАЛ. MS 1067.413). В феврале 1942 г. в беседе в домашнем кругу писателю вынесен следующий вердикт: «Говорили о Жиде, о Мориаке, о политике, они пессимисты» (22 февраля 1942, РАЛ. MS 1067.413).

Несколько месяцев спустя, весной-летом 1942 г., Вера Николаевна подводит итоги знакомства с Жидом, встраивая писателя в галерею похожих литературных деятелей. «В самом Жиде есть родственное Розанову — это самообнажение, — только люди они уж очень разные, <что> для нас, не умеющих себя обнажить, очень полезно» (2 мая 1942, РАЛ. MS 1067.413). Снова заинтересованность творческим методом и художественной философией («очень полезно») сочетается с скептическим дистанцированием от эстетической доминанты, «самообнажением», пусть дистанцирование и подразумевается между строк. Дистанцирование очевидно в записи от 23 августа 1942 г., где Жид сравнивается с Марией Башкирцевой, русской художницей XIX в., которая самостоятельно сделала карьеру и прославилась публикацией своего дневника: «У нее большая воля, сильные желания. Нарциссизма больше, чем у Andre Gide, и это и интересно, а все ее суждения и рассуждения, конечно, неинтересны, как и ее жизнь внешняя» (РАЛ. MS 1067.413).

Этот итог венчает «роман с Жидом», ставя в нем завершающую точку на момент 1942 г. Французский писатель импонирует Вере Николаевне, но только в отдельных аспектах творчества — зачатую периферийно-побочных. Магистральный вектор отношения к творчеству Жида — холодное дистанцирование при уважительном признании.

Литература

1. *Бабореко А.К.* И.А. Бунин. Материалы для биографии (с 1870 по 1917). М.: Худож. лит., 1967. 303 с.
2. *Бабореко А.К., Мотылева Т.Л.* Бунин в споре с Андре Жидом // Литературное наследство. М.: Наука, 1973. Т. 84. Кн. 2. С. 380–387.
3. *Бахрах А.В.* Бунин в халате. По памяти, по записям. Литературные портреты. Paris: La Presse Libre, 1980. 206 с.
4. *Бахрах А.В.* По памяти, по записям. Андре Жид // Континент. 1976. № 8. С. 349–386.
5. *Дэвис Р., Пономарев Е.Р.* Материалы для Бунинской энциклопедии. URL: <https://ivbunin.ru/index.php/biografiya/materialy-dlya-buninskoj-entsiklopedii> (дата обращения: 01.04.2025).
6. *Красавченко Т.Н.* Жид (Gide) Андре (1869–1951) // Литературная энциклопедия русского зарубежья (1918–1940). 2001. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zhid-gide-andre-1869-1951> (дата обращения: 01.04.2025).
7. Литературное наследство. М.: ИМЛИ РАН, 2022. Т. 110. Кн. 2: Бунин / ред.-сост. О.А. Коростелев, С.Н. Морозов. 992 с.
8. По следам парижской командировки: Из писем Г.В. Адамовича, Т.А. Осоргиной-Бакуниной и Н.Б. Зайцевой-Соллогуб / публ. Николеску Т.Н. // И.А. Бунин: Новые материалы. М.: Русский путь, 2004. Вып. I / Сост., ред. О.А. Коростелева и Р. Дэвиса. С. 354–366.
9. *Пonomarev E.P.* Раннее творчество В.Н. Муромцевой-Буниной: генезис и поэтика // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2024. № 9. С. 251–264.
10. Устами Буниных. Дневники Ивана Алексеевича и Веры Николаевны, и другие архивные материалы: в 3 т. / под ред. М. Грин. Франкфурт-на-Майне: Посев, 1982. Т. 3. 223 с.
11. *Харитонова Н.Ю.* Андре Жид — друг СССР. Рождение репутации // Литературный факт. 2017. Т. 3. С. 164–180.
12. *Шаховская З.А.* Бунин // *Шаховская З.А.* В поисках Набокова. Отражения. Paris: YMCA-Press, 1991. С. 122–159.
13. *Швец А.В.* Супруги Бунины читают Гюстава Флобера в 1940-е гг.: функции рецептивного опыта (на материале дневников И.А. Бунина и В.Н. Муромцевой-Буниной за 1941 г.) // Новый филологический вестник. 2024. № 3. Т. 70. С. 203–214.
14. *Bartlett D.* Socialist Dandies International: East Europe, 1946–59 // *Fashion Theory*. 2013. № 3. Т. 17. P. 249–298.
15. *DeDominico P.F.* Unfinished Business: André Gide's *Geneviève* and the Constraints of Socialist Realism // *André Gide's Politics: Rebellion and Ambivalence*. London: Palgrave Macmillan, 2000. P. 179–203.
16. *Endres N.* Panta Rhei: André Gide's "Les Nourritures Terrestres," Oscar Wilde's "The Picture of Dorian Gray," and Walter Pater's "Conclusion" // *Romance Notes*. 2001. № 2. Т. 41. P. 209–221.
17. *Hubert M.-C.* Y at-il une théâtralité des "Nourritures terrestres"? // *Bulletin des Amis d'André Gide*. 1993. № 98. P. 221–223.
18. *Noguez D.* Des Esseintes et Nathanaël // *Revue des Lettres Modernes*. Paris, 1971. P. 63–85. (André Gide.Vol. 2)

19. *O'Brien J.* Gide's *Nourritures terrestres* and Vergil's *Bucolics* // *Romanic Review*. 1952. № 2. Т. 43. P. 117–125.

20. *Ory P.* *Les Collaborateurs*. Paris: Editions du Seuil, 1980. 320 p.

21. *Savage C.H.* “Les Nourritures terrestres” and “Also sprach Zarathustra” // *The South Central Bulletin*. 1961. № 4. Т. 21. P. 51–55.

22. *Teillet Cl.* Pierre Viénot // *Comptes-rendus & mémoires de la Société archéologique et historique de Clermont-de-l'Oise*. Senlis: Imprimeries réunies de Senlis, 1991. P. 129–131.

Research Article and Publication of Archival Documents

“There Are Passages Unbearably Pretentious, but There Are Also Beautiful Ones”: André Gide in the Reception of V.N. Muromtseva-Bunina — From Interest to Distancing

© 2026. Anna V. Shvets

A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences,
Lomonosov Moscow State University
Moscow

Acknowledgements: The work was carried out at IWL RAS with the support of the grant by the Russian Science Foundation, project no. 24–18–00425 “V.N. Muromtseva-Bunina — Chronicler of Russian Emigration.”

Abstract: The article examines: 1) the history of the Bunins' contacts with the French writer André Gide during the years 1941–1942, and 2) the reception of André Gide's works within the Bunin circle, particularly by V.N. Muromtseva-Bunina. While the fact of Gide's reception by Bunin in the 1940s has already been introduced into scholarly discourse, the receptive response of Ivan Alekseevich's wife remains understudied. This article presents the most comprehensive evidence to date of V.N. Muromtseva-Bunina's reception of André Gide's works in the 1940s, based on materials from the Russian Archive in Leeds. André Gide and the Bunins met in person twice in Grasse (with Vera Nikolaevna absent at the first meeting). Although both writers (one a past Nobel laureate and the other a future one) were mutually intrigued by each other's aesthetic-literary programs, their encounters ultimately resulted in misunderstanding (an inability to bridge the gap between different languages and cultures), a cooling of relations, and Bunin's negative assessment of Gide's work. This dynamic is reflected in the indirect relationship between Vera Nikolaevna and André Gide as well: Vera Nikolaevna studied the French writer's diaries and read his prose during the autumn of 1941 and winter of 1942. At the beginning of this indirect engagement between the Russian reader and the French writer, the latter evoked genuine interest in the former. However, as her reading progressed, V.N. Muromtseva-Bunina began to note differences in their ideological positions, particularly regarding their views on communism and

Christianity. These differences became the basis for her distancing from her literary interlocutor. In addition to ideological differences, Vera Nikolaevna also recorded her reaction to specific features of Gide's prose poetics. While she appreciated certain compositional decisions, she felt no affinity with the textual subject (whether the lyric hero or the narrator). Her final verdict was to recognize Gide as a talented writer but also a narcissist overly absorbed in introspection.

Keywords: V.N. Bunina, I.A. Bunin, A. Gide, contacts between European and Russian literature of the 20th century, reception of French literature in Russian émigré circles

Information about the author: Anna V. Shvets, PhD in Philology, Senior Researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya St., 25A, bld. 1, 121069 Moscow, Russia; Senior Lecturer, Lomonosov Moscow State University, Leninskiye gory, 1/51, 119991 Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-1492-2511>

E-mail: ananke2009@mail.ru

For citation: Shvets, A.V. “‘There Are Passages Unbearably Pretentious, but There Are Also Beautiful Ones’: André Gide in the Reception of V.N. Muromtseva-Bunina — From Interest to Distancing.” *Literaturnyi fakt*, no. 1 (39), 2026, pp. 252–269. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2026-39-252-269>

References

1. Baborieko, A.K. *I.A. Bunin. Materialy dlia biografii (s 1870 po 1917)* [I.A. Bunin. *Materials for a Biography (from 1870 to 1917)*]. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1967. 303 p. (In Russ.)
2. Baborieko, A.K., and T.L. Motyleva. “Bunin v spore s Andre Zhidom” [“Bunin in Dispute with André Gide”]. *Literaturnoe nasledstvo* [Literary Heritage], vol. 84, book 2. Moscow, Nauka Publ., 1973, pp. 380–387. (In Russ.)
3. Bakhrakh, A.V. *Bunin v khalate. Po pamyati, po zapisyam. Literaturnye portrety* [Bunin in a Robe. From Memory, From Notes. Literary Portraits]. Paris, La Presse Libre, 1980. 206 p. (In Russ.)
4. Bakhrakh, A.V. “Po pamyati, po zapisyam. Andre Zhid” [“From Memory, from Notes. André Gide”]. *Kontinent*, no. 8, 1976, pp. 349–386. (In Russ.)
5. Davis, R. and E.R. Ponomarev. *Materialy dlia Buninskoy Entsiklopedii* [Materials for Bunin Encyclopaedia]. Available at: <https://ivbunin.ru/index.php/biografiya/materialy-dlya-buninskoj-entsiklopedii> (Accessed 01 April 2025). (In Russ.)
6. Krasavchenko, T.N. “Zhid Andre (1869–1951)” [“Gide André (1869–1951)”]. *Literaturnaia entsiklopediia russkogo zarubezh'ia (1918–1940)*, no. 1, 2001. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/zhid-gide-andre-1869-1951> (Accessed 01 March 2025). (In Russ.)
7. Korostelev, O.A. and S.N. Morozov, editors. *Literaturnoye nasledstvo* [Literary Heritage], vol. 110, book 2: Bunin [Bunin]. Moscow, IWL RAS Publ., 2022. 992 p. (In Russ.)
8. “Po sledam parizhskoi komandirovki: Iz pisem G.V. Adamovicha, T.A. Osorginoi-Bakuninoi i N.B. Zaitsevoi-Sollogub” [“Following a Paris Business Trip: From the Letters of G.V. Adamovich, T.A. Osorgina-Bakunina, and N.B. Zaytseva-Sollogub”],

publ. by T.N. Nikolesku. Korostelev, O.A. and R. Davis, editors. *I.A. Bunin: Novey materialy* [*I.A. Bunin: New Materials*], issue 1. Moscow, Russkii put' Publ., 2004, pp. 354–366. (In Russ.)

9. Ponomarev, E.R. “Ranee tvorchestvo V.N. Muromtsevoi-Buninoi: genezis i poetika” [“The Early Works of V.N. Muromtseva-Bunina: Genesis and Poetics”]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya*, no. 9, 2024, pp. 251–264. (In Russ.)

10. Grin, M., editor. *Ustami Buninykh. Dnevniky Ivana Alekseevicha i Very Nikolaevny, i drugie arkhivnye materialy* I v 3 t. [*By the Mouths of the Bunins. Diaries of Ivan Alekseevich and Vera Nikolaevna, and Other Archival Materials: in 3 vols.*], vol. 3. Frankfurt am Main, Posev Publ., 1982. 223 p. (In Russ.)

11. Kharitonova, N.Iu. “Andre Zhid-drug SSSR. Rozhdenie reputatsii” [“André Gide as a Friend of the USSR: The Birth of a Reputation”]. *Literaturnyi fakt*, vol. 3, 2017, pp. 164–180. (In Russ.)

12. Shakhovskaia, Z.A. “Bunin” [“Bunin”]. Shakhovskaia, Z.A. *V poiskakh Nabokova. Otrazheniia* [*In Search of Nabokov. Reflections*]. Paris, YMCA-Press, 1991, pp. 122–159. (In Russ.)

13. Shvets, A.V. “Suprugi Buniny chitaiut Giustava Flobera v 1940-e gg.: funktsii retseptivnogo opyta (na materiale dnevnikov I.A. Bunina i V.N. Muromtsevoi-Buninoi za 1941 g.)” [“The Bunins Reading Gustave Flaubert in the 1940s: Functions of Receptive Experience (Based on the Diaries of I.A. Bunin and V.N. Muromtseva-Bunina from 1941)”]. *Novyi filologicheskii vestnik*, no. 3, vol. 70, 2024, pp. 203–214. (In Russ.)

14. Bartlett, Djurdja. “Socialist Dandies International: East Europe, 1946–59.” *Fashion Theory*, no. 3, vol. 17, 2013, pp. 249–298. (In English)

15. DeDominico, Peter F. “Unfinished Business: André Gide’s Geneviève and the Constraints of Socialist Realism.” *André Gide’s Politics: Rebellion and Ambivalence*. London, Palgrave Macmillan, 2000, pp. 179–203. (In English)

16. Endres, Nikolai. “Panta Rhei: André Gide’s ‘Les Nourritures Terrestres,’ Oscar Wilde’s ‘The Picture of Dorian Gray,’ and Walter Pater’s ‘Conclusion.’” *Romance Notes*, no. 2, vol. 41, 2001, pp. 209–221. (In English)

17. Hubert, Marie-Claude. “Y at-il une théâtralité des ‘Nourritures terrestres?’” *Bulletin des Amis d’André Gide*, no. 98, 1993, pp. 221–223. (In French)

18. Noguez, Dominique. “Des Esseintes et Nathanaël.” *Revue des Lettres Modernes*, 1971, pp. 63–85. (André Gide, vol. 2) (In French)

19. O’Brien, Justin. “Gide’s *Nourritures terrestres* and Vergil’s *Bucolics*.” *Romanic Review*, no. 2, vol. 43, 1952, pp. 117–125. (In English)

20. Ory, Pascal. *Les Collaborateurs*. Paris, Editions du Seuil, 1980. 320 p. (In French)

21. Savage, Catherine Hill. “‘Les Nourritures terrestres’ and ‘Also sprach Zarathustra.’” *The South Central Bulletin*, no. 4, vol. 21, 1961, pp. 51–55. (In English)

22. Teillet, Claude. “Pierre Viénot.” *Comptes-rendus & mémoires de la Société archéologique et historique de Clermont-de-l’Oise*. Senlis, Imprimeries réunies de Senlis, 1991, pp. 129–131. (In French)